

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ МАЯКОВСКОГО

ЧТО ПРОИЗОШЛО ДО РОКОВОГО ВЫСТРЕЛА?

19 июля Владимиру Маяковскому исполнилось бы 98. Жизнь его, как и полная трагедийности поэзия, оборвалась на взлете.

Обстоятельства его смерти в апреле 1930 года, несмотря на тысячи книг, статей, диссертаций, не могли объяснить ни современники поэта, ни многочисленные биографы и литературоведы. Можно что-то добавить к написанному, сказанному?

Оказывается, можно. В шести номерах «Журналиста» — с сентября 1989-го по июнь 1991-го публиковалось документальное исследование публициста В. Скорятина. Читаю и осознаю: многие представления о поэте придется пересмотреть.

Сразу два вопроса: а почему до Скорятина — никто? И как, собственно, ему удалось — при наших-то секретах! — добраться до неизвестных ранее документов?

Почему «никто» — понятно: просто он сомневался в общеизвестных фактах. Потому совершенно неожиданно для почтателей Маяковского и специалистов-литературоведов прочел широко распространенное пись-

мо поэта к «товарищу Правительству». Оказывается, написано оно было... карандашом, хотя со своей авторучкой поэт не расставался. В письмо — вот странность-то! — он вмонтировал зачем-то стихи, сочиненные... еще в 1928 году. Деликатнейший человек, он «прославил» в своем письме замужнюю женщину В. Полонскую. Сколько в последних месяцах его жизни неясного, странного! Станным кажется сегодня нам и его окружение, в котором было немало зловещих фигур из карательного ведомства. Таких, скажем, как Я. Агранов, З. Волович, Л. Эльберт.

Еще один миф о Маяковском, кочующий из книги в книгу, из статьи в статью: будто бы отказ в визе для поездки в Париж к Татьяне Яковлевой стал едва ли не роковым в жизни поэта. Но вот беда: ни в одном из архивов заявления Маяковского с просьбой о визе а стало быть, и отказа не обнаружено.

А теперь о том, как автор добирался до неизвестного. Помните, у Пушкина: «мертвый документ»? То есть документ

существует где-то, должен быть, но... Исследователь, досконально знающий материал, включает здесь свою интуицию. В очередном его очерке речь, как правило, шла не только об уже найденном, но и о том, что непременно должно быть обнаружено в дальнейшем. И обнаруживалось, потому что надо знать, где искать.

Время все расставит по своим местам. Но только стараниями и трудом людей. Не чинить бы им преград, помочь воссоздать наше прошлое в его незамутненном свете. Увы, каждый документ, не представляющий никакой угрозы для репутации нашего государства, добывался в изнурительных «боях» с различными ведомствами. И сейчас автора не допускают к следственному делу о смерти поэта, которое хранится где-то за толстыми стенами. Да что там «где-то»? Не парадокс ли: до разгадки причины гибели поэта всего три остановки на метро от редакции журнала, а ехать придется... Неужели до третьего тысячелетия?

В. КУЗНЕЦОВ.

Исследование — 1991. — 18 июля. — С. 4